

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

УДК 81-114.4

М.В. Ермолова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

-Ши-формы в говоре деревни Пятиусово: синтаксис и грамматическая семантика

В статье анализируется функционирование *-ши*-форм в одном из псковских говоров – говоре деревни Пятиусово Западнодвинского района Тверской области. Полученные данные сопоставляются с материалом других двух псковских говоров – говора деревни Макеево и опочецкого говора. В говоре деревни Пятиусово хорошо развита категория перфекта: результитивная функция является преобладающей у *-ши*-форм и встречается в 95% всех контекстов с ними, что является самым высоким показателем из всех псковских говоров, материал которых учитывается в работе. Как результитивное действие может маркироваться в настоящем или прошедшем временах, при этом при обозначении действия в прошлом глагол-связка может отсутствовать, что характерно для грамматикализованных результитивных форм. Остальные известные для *-ши*-форм функции в говоре деревни Пятиусово представлены довольно слабо. Показатель частотности контекстов с *-ши*-формами, употребленными в качестве глагольного обстоятельства, самый низкий из всех сопоставленных говоров. Низкая частотность атрибутивных употреблений соответствует тому, что мы видим в говоре деревни Макеево и опочецком говоре. Функция обозначения продолжительного действия, зафиксированная у *-ши*-форм в говоре деревни Макеево, в говоре деревни Пятиусово отсутствует. Таким образом, говор деревни Пятиусово по употреблению *-ши*-форм не повторяет ни одну из рассмотренных систем. При этом, если все-таки говорить о степени близости говора деревни Пятиусово к говорам деревни Макеево или деревень близ города Опочка, то больше схожего обнаруживается, вопреки ожиданиям, с опочецким говором. Это совпадение представленных функций *-ши*-форм, а также

крайне высокий уровень частотности результативных употреблений (хотя в говоре деревни Пятиусово он выше, чем в опочечком говоре).

Ключевые слова: северо-западный перфект, *-ши*-формы, результатив, русские диалекты, псковские говоры

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 25-00-019 «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ермолова М.В. *-Ши*-формы в говоре деревни Пятиусово: синтаксис и грамматическая семантика // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 118–132. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

M. Ermolova

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

-Shi-forms in Piatiusovo: Syntax and grammatical semantics

The article analyzes the functioning of *-shi*-forms in a Pskov dialect – the dialect of a village in a certain region of Pskov, Piatiusovo. The data obtained are compared with material from two other Pskov dialects – Makeyevo and Opochnka. In Piatiusovo, the category of perfect is well developed: the resultative function is predominant among *-shi*-forms and occurs in 95% of all contexts, which is the highest indicator among all compared Pskov dialects. As a result, the resultative action can be marked in the present or past tense, and when indicating an action in the past, the linking verb may be absent, which is characteristic of grammaticized resultative forms. Other functions of *-shi*-forms known in Piatiusovo are represented quite weakly. The frequency of contexts with *-shi*-forms used as verbal adverbials is the lowest among all compared dialects. The low frequency of attributive uses corresponds to what is observed in Makeyevo and Opochnka. The function of indicating continuous action, recorded for *-shi*-forms in Makeyevo, is absent in Piatiusovo. Thus, the dialect of Piatiusovo

does not replicate any of the systems considered in terms of *-shi*-form usage. However, if we speak about the degree of similarity between Piatiusovo and Makeyevo or Opochka, then more similarities are found, contrary to expectations, with Opochka. This is evidenced by the shared functions of *-shi*-forms, as well as an extremely high level of frequency of resultative uses (although in Piatiusovo it is higher than in Opochka).

Key words: *-shi*-forms, resultative, Pskov dialects, Russian dialects

Acknowledgments. The publication was prepared in the course of conducting research No. 25-00-019 “Corpus and areal study of East Slavic dialects” within the framework of the Program “Scientific Foundation of the HSE University”.

FOR CITATION: Ermolova M. *-Shi*-forms in Piatiusovo: Syntax and grammatical semantics. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 118–132. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-118-132

1. Вводные замечания

В говоре деревни Пятиусово ожидаемо широко распространены отпричастные *-ши*-формы¹, характерные для всех псковских говоров (и шире – северо-западных говоров вообще [Кузьмина, Немченко, 1971, карта 4; Захарова, Орлова, 2004, с. 126, 149–150]). Так, в [Трубинский, 1984] выделяется особый тип «псковско-новгородского деепричастного перфекта». Хотя основная функция обсуждаемых форм – перфектная или результативная², говоры в разной степени знают и иные

¹ Далее *-ши*-формами условимся называть все образования, восходящие к действительным причастиям прошедшего времени. В говоре Пятиусово отпричастные формы образуются с помощью суффиксов *-ши*- и *-вши*- (при этом возвратные глаголы при образовании *-ши*-форм постфикс «теряют», ср. *оставши*, *женивши*). Для глаголов *идти* и *ехать* и их дериватов чаще используется суффикс *-дчи*. Также пять раз зафиксирован суффикс *-лиш*:- трижды встретилась форма *осталиш*, а также формы *поспелиш* и *завалиш*.

² Типологические исследования показывают, что перфект и результатив – это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к претериту (см., например [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения, ...понятия “перфект” и “результатив” традиционно применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята лишь в одной из известных нам работ [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Там же: 6] [Ермолова, 2022, с. 248–249]. В данной работе мы не ставим перед собой целью решить этот сложный вопрос, поэтому, как это принято при обсуждении диалектного перфекта, будем использовать термины «перфект» и «результатив» как синонимы.

их употребления (атрибутивные, обстоятельственные и некоторые другие, см. ниже). Различия в функционировании *-ши*-форм могут наблюдаться как в говорах разных групп [Кузьмина, Немченко, 1971; Трубинский, 1984], так и внутри одного говора (см., например, [Ермолова, 2024]). Несмотря на существующие «энциклопедии по синтаксису причастий в русских говорах» [Дьяченко и др., 2020, с. 54] – труды [Кузьмина, Немченко, 1971; Трубинский, 1984] – актуальным остается анализ частных диалектных систем и их сравнение друг с другом, т.к. «при большем количестве накопленного материала это позволит в будущем лучше понять грамматическую семантику изучаемых форм, проследить пути эволюции их грамматического значения, определить первичность/вторичность различных функций (от)причастных форм и предсказать их дальнейшее развитие» [Ермолова, 2024].

Данное исследование является продолжением работы М.В. Ермоловой (2024), где сопоставляются *-ши*-формы в двух псковских и одном смоленском говорах. Один из проанализированных говоров в [Ермолова, 2024] – говор деревни Макеево (точнее, близко расположенных деревень Макеево, Шетнево, Щелкино, Степаньково), находящейся в 20 км от деревни Пятиусово. Таким образом, исследование функционирования интересующих нас форм в еще одном говоре расширит наше представление об известных способах распределения *-ши*-форм по функциям, а также позволит судить о степени близости говоров деревень Макеево и Пятиусово.

Статья состоит из пяти разделов. Во втором разделе рассматривается употребление *-ши*-форм в составе перфекта, в третьем анализируются другие функции *-ши*-форм, в четвертом проводится сопоставительный анализ с другими говорами и формулируются выводы; раздел 5 представляет собой краткое заключение.

2. Результативное употребление *-ши*-форм

В тех говорах, где есть *-ши*-формы, основной их функцией является употребление в составе перфекта. Под перфектом в данной статье понимается система «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия» [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 219]. Как результативное действие может маркироваться во всех трех временах, а также в сослагательном наклонении, ср. примеры: *а только теперь (я) уже позабывши – инвалидка; я была с ума сошовши – горазд кричала; умерши-то все будем; если б желала, давно бы были вышецы (замуж)* [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 219].

Данные по говору получены из Корпуса говора деревни Пятиусово³ (далее – корпус деревни Пятиусово) (12 часов записи, всего 96 537 слов, учитывая только слова информантов). С помощью запросов [word='*.ши%с], [word='*.дчи%с] были извлечены и проанализированы контексты с действительными причастиями. В корпусе деревни Пятиусово на результативное употребление приходится 119 контекстов с *-ши*-формами из 126, что составляет 95%⁴. В зафиксированных примерах *-ши*-формы используются для описания результата либо в настоящем, либо в прошлом. Контекстов, где они бы относились к будущему времени или стояли в сослагательном наклонении, не встретилось, что объясняется спецификой беседы с информантами: обычно разговоры ведутся о прошлом.

В 90 результативных контекстах из 119 *-ши*-формы употреблены бесвязочно, в 30 случаях – со связкой в прошедшем времени. Бесвязочные *-ши*-формы, как правило, обозначают результативное действие или состояние, отнесенные к плану настоящего, ср. (1)–(3):

- (1) *Детсад у нас на пятьдесят мест мы построили, я забыл, у нас на пятьдесят мест дет сад сохранивши кирпичный.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (2) *Бывает клюква. Ну а нынче год такой что... Говорят, в лесу высохши даже мох, что нет ничего этого.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (3) *А так деревень нету, только дачники, если где поселивши.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

-Ши-формы встречаются с характерными для перфекта наречиями *уже* и *еще (не)*, ср.:

- (4) *Он уже женивши, ребенок уже три года или четыре.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (5) *Одна дочка вроде умерши уже.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

³ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ В корпусе деревни Пятиусово собраны записи пяти информантов, однако 70% корпуса составляет материал, полученный от одного информанта – ЗЕС1942. Результативные употребления представлены у всех, однако наибольшее количество примеров приходится на речь ЗЕС1942. Чтобы понять, связано ли это с тем, что у ЗЕС1942 лучше сохраняются исследуемые формы, или с тем, что ЗЕС1942 является основным информантом, нужно больше записей других жителей деревни.

- (6) ...увидите свинарник на двести голов, **еще** сохранивши, остальные порушивши. (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (7) И как только у мене сразу аллергия, у меня сразу лицо делается, всё распухает, даже больком всяким, ой, не заживши даже **еще**. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (8) Мы к этому **еще** к вам не привыкли сильно, поэтому не каждый принимает, может быть, да. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

На то, что мы имеем дело с действием, актуальным в настоящем, часто указывают наречия *сейчас, теперь*, ср. (9)–(10):

- (9) (Про дом) ...**теперь** он, наверное, обваливши. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (10) ...**вот сейчас** огурцы поспели. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В двух контекстах бессвязочная *-ши*-форма обозначает результат, отнесенный к плану прошлого, ср. (11)–(12):

- (11) Он только пришел с армии. И он **курил** на придворке. И тут мы **закричали, заохали** все. Тут уже доярки, какие были, собравши. И он **услышал**. Фляги были, фляги, молоко. Вот он как **взял** флягу. Вот как дал ему между рог где-то, попал флягой. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Действие, выраженное *-ши*-формой, описывает результат, отнесенный ко времени действий, обозначенных *-л*-формами: герой повествования стоял курил, все закричали и заохали, и к тому времени уже все доярки, какие были, собрались / были собравшиеся. Переключения на настоящее историческое не происходит, т.к. после *-ши*-формы следуют опять *-л*-формы: *услышал, взял*. Следовательно, в данном примере *собравши* употреблено «вместо» *были собравши*.

- (12) И в **то время**...Ну отец, отец умерши. Ну она **плакала** так, тоже причитала, но не так, как старые-старые. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Информантку спросили, умела ли причитать ее мать, и она вспоминает о времени, когда умер отец. Мы имеем дело с последовательностью событий: сначала умер отец, потом мать плакала и причитала. Поэтому здесь, как и в (11), *-ши*-форма обозначает результат, отнесенный к плану прошлого.

Как было показано в работах [Скачедубова, 2018; Ермолова, 2022], пропуск связки при результативной форме (в прошедшем и будущем временах, а также в сослагательном наклонении) – закономерное явление, связанное со спецификой грамматического значения результата, «для которого соотносительность с временным планом оказывается нерелевантной, а связка, следовательно – факультативной⁵» [Скачедубова, 2018, с. 72]. Такие употребления встречаются в говорах с развитой системой перфектных форм (см. [Ермолова, 2024]) и являются проявлением крепкой закреплённости результативных форм в грамматической системе, а не их утраты, как предполагается в [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 198].

Пример (12) примечателен ещё тем, что в нём есть указание на время совершения действия (хотя контекст спорный: вполне вероятно, что говорящий перестраивал фразу, т.к. после *в то время* идет пауза). В.И. Трубинский пишет, что диалектный перфект с обстоятельствами времени несовместим, как это происходит во многих языках мира [Трубинский, 1984, с. 160] (см., например, [Dahl, 1985, с. 19–20; Князев, 2007, с. 510]). Тем не менее, примеры с ними фиксируются в говорах с хорошо сохранившимся перфектом [Ермолова, 2024], и контекст (12) позволяет пополнить этот список.

Если говорить про лексический состав словоформ, то все *-ши*-формы в зафиксированных контекстах образованы от глаголов совершенного вида (СВ). На первом месте по частоте находятся глаголы движения СВ с корнем *-ех-* (*уехать*, *приехать* пр.), на втором – глагол *умереть*, на третьем – глагол *остаться* (таблица 1), что согласуется с данными по частотности лексем в [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 145–159; Трубинский, 1984, с. 158–159]. Всего контексты с глаголами из перечисленных групп составляют 51% от всех примеров, что соотносится с данными по говору деревни Макеево, где этот показатель равен 52% (см. [Ермолова, 2024]).

Помимо указанных в таблице 1, в говоре деревни Пятиусово встретились следующие *-ши*-формы (если глагол возвратный, это указывается в скобках): *встретивши* (*встретиться*), *выпавши*, *выпивши*, *высохши*, *вытянувши*, *давши*, *женивши* (*жениться*), *заболевши*, *заваливши* (*завалиться*), *заживши*, *закрывши* (*закраться*), *заледевши*, *замерзши*, *заполонивши*, *заросши*, *легши*, *наработавши* (*наработаться*), *научивши* (*научиться*), *обваливши* (*обвалиться*), *ополочивши* (*ополочиться*), *оставши/осталиши* (*остаться*), *остановивши* (*остановиться*),

⁵ Возможность пропуска связки у результативных форм, употреблённых в плюсквам-перфектном значении, подтверждается и типологически (см. подробнее [Перельмутер, 1977, с. 70]).

оторвавши (оторваться), подтерши (подтереться), порушивши (порушиться), поселивши (поселиться), посохши, поспелиши, приболевши, разваливши (развалиться), разъевши (разъестся), родивши (родиться), сгнивши, собравши (собраться), сохранивши (сохраниться), сформировавши (сформироваться), уволивши (уволиться). Почти все зафиксированные глаголы являются непереходными, что ожидаемо, т.к. от переходных глаголов в говоре Пятиусова образуются формы пассивного перфекта на *-н/-т-*. В трех случаях возможна трактовка глагола как переходного, ср. (13)–(15):

- (13) Если я по принципу «не давши **слово** – крепись, а дал слово – сдержи его», вот. (Корпус деревни Пятиусово, ЛНГ1954)

Таблица 1

**Лексическая распределенность *-ши*-форм
в говоре деревни Пятиусово
[Lexical distribution of *-shi*- forms in dialect of Pyatiusovo]**

Глагольная форма [Verb form]	Количество употреблений [Number of uses]	Доля от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм, % [Part of all resultative <i>-shi</i> -form, %]
<i>понаехадчи</i>	2	17
<i>приехавши</i>	16	
<i>разъехавши</i>	1	
<i>уехадчи</i>	1	
Всего [Total uses]	20	
<i>умерши</i>	16	13
<i>оставши</i>	25	21
Итого [Total uses]		52

Здесь при форме *давши* стоит объект в В. п. *слово*. Данный пример неоднозначен, т.к. *-ши*-форму можно было бы рассматривать и как употребленную в обстоятельственном значении в функции деепричастия, как в пословице в литературном языке (об этой функции в говоре деревни Пятиусово см. раздел 3), однако если считать первую часть фразы аналогичной второй, то *давши* является самостоятельным сказуемым и функционирует как результативная форма.

- (14) *Я иду дорогой, а это по полю идет собака. Такая серая, язык вытянувши.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В этом контексте, как и выше, возможна двоякая трактовка *-ши*-формы: ‘Собака идет, такая серая, вытянув язык’ или ‘Собака идет, такая серая, язык вытянула’. При первой интерпретации мы имеем дело с глагольным обстоятельством, при второй – с результитивной формой.

- (15) *Вот так приду домой – горит все тело от этого борщевика. Он сильно заполонивши у мне тут.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Хотя прямое дополнение эксплицитно не выражено, оно, очевидно, подразумевается: ‘Он (борщевик) сильно заполонил у меня тут [всё]’.

Таким образом, строгого запрета на образование *-ши*-форм от переходных глаголов в говоре Пятиусова нет, как нет, по всей видимости, и в других говорах, где способ образования перфектной формы (с помощью действительного или страдательного суффиксов) зависит от переходности/непереходности глагола (см. [Ермолова, 2024]).

3. *-Ши*-формы не в составе перфекта

На *-ши*-формы не в составе перфекта (они представлены у трех информантов из пяти) приходится всего 6 употреблений из 126, что составляет 5%.

Как и в других говорах с диалектным перфектом, *-ши*-форма может использоваться в качестве глагольного обстоятельства, т.е. аналогично деепричастию в литературном языке, с той разницей, что формы на *-ши* могут образовывать глаголы и СВ, и НСВ, а субъекты главной предикации и предикации с *-ши*-формой могут различаться. В говоре деревни Пятиусово встретилось 5 таких контекстов. Приведем их все:

- (16) *...а они вот, деньги деливши, разругались.* (Корпус деревни Пятиусово, ЛНГ1954)
- (17) *...погодивши несколько время, звонит.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (18) *Раскряжзовывали его, уже навозивши.* (Корпус деревни Пятиусово, ПВВ1935)
- (19) *Вон мне даже с ней живши, вот нервный тик глаз вот этот.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (20) *Я сама почти никогда, вот держала, уж тут живши, и пробовала.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В (19) субъекты предикации с *-ши*-формой и главной предикации различаются: *Из-за того / после того как / когда я с ней жил, у меня появился нервный тик.* В (16) и (19)–(20) представлен глагол НСВ.

Один раз *-ши*-форма употреблена в атрибутивной функции (а именно, в функции предикативного атрибута), известной во всех говорах с диалектным перфектом, ср. (21):

- (21) *Все как-то закрывши живут в своей конуре, как это раньше говорили.*
'Все живут закрывшись'. (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

4. Сопоставление полученных данных с другими говорами

Если сопоставить полученные данные по говору деревни Пятиусово с материалом по другим говорам с развитой категорией перфекта, представленным в [Ермолова, 2024] – псковскими говорами деревни Макеево и опочечким говором, – то можно сделать выводы, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Функциональное распределение *-ши*-форм
[Functional distribution of *-shi*-forms]

	Пятиусово [Pyatiusovo]	Макеево [Makeevo]	Опочка [Opochka]
Доля результативных <i>-ши</i> -форм от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of resultative <i>-shi</i> -forms from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	95 (52)	80 (47)	88 (52)
Доля <i>-ши</i> -форм в функции глагольного обстоятельства от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms in the function of adverbial modifier from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	4	14	11
Доля <i>-ши</i> -форм в атрибутивной функции от общего числа <i>-ши</i> -форм, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms in the attributive function from the total number of <i>-shi</i> -forms, %]	1	3	1
Доля <i>-ши</i> -форм, употребленных для обозначения продолжительного действия, % [Percentage of <i>-shi</i> -forms used to denote a continuous action, %]	0	3	0

Примечание. В скобках указан процент словоформ, образованных от наиболее частотных лексем.
[Note. The percentage of word forms derived from the most frequent lexemes is given in brackets.]

Функционирование *-ши*-форм в говоре деревни Пятиусово в полной мере не соответствует их употреблению ни в одном из других (представленных в таблице 2) говоров, при этом отличия от говора деревни Макеево, расположенной близко от деревни Пятиусово, кажутся сильнее, чем от говора деревень близ Опочки, расположенных значительно дальше.

От обоих говоров говор деревни Пятиусова отличается крайне малой представленностью других функций *-ши*-форм, кроме перфектной. Частотность результативных употреблений составляет 95%, что выше 88% по опочецкому говору и значительно больше 80% по говору деревни Макеево. Контексты с *-ши*-формами, использованными как глагольное обстоятельство, редки в говоре деревни Пятиусово и встречаются лишь в 4% случаев (ср. 14 и 11% в говорах деревни Макеево и деревень близ Опочки), что довольно удивительно, т.к. обстоятельственная функция хорошо известна говорам с новым перфектом, не говоря уже о том, что она является единственной у аналогичных форм в литературном языке.

Атрибутивные употребления в говоре деревни Пятиусово встречаются редко (1%), что в целом соответствует тому, что мы видим в других говорах (1% в опочецком и 3% в говоре деревни Макеево).

Говор деревни Макеево отличается тем, что *-ши*-форма в нем может маркировать продолжительное действие, совершенное в прошлом, что, по всей видимости, является архаичной функцией. Ср. пример (22), рассмотренный в [Ермолова, 2024] (больше материала см. там же):

- (22) *Конечно, мы ж собравши, молодежь шла. И пели, и шёдчи.*
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

Информантка рассказывает о том, как праздновали масленицу: ‘И пели, и шли’.

Таким образом, по составу функций употребление *-ши*-форм в говоре деревни Пятиусово ближе тому, что мы видим в опочецком говоре, а не говоре деревни Макеево, как ожидалось бы.

Если говорить о лексико-грамматическом составе *-ши*-форм, то он примерно одинаков во всех рассмотренных говорах. Преобладают непереходные глаголы СВ (первые три места занимают одни и те же лексические группы: глаголы движения, глаголы со значением «умереть» и глагол *остаться*), хотя строгого запрета на образование *-ши*-форм от переходных глаголов нет: и в говорах деревень Пятиусово и Макеево, и в опочецком говоре фиксируются контексты с транзитивными глаголами.

5. Заключение

Итак, в говоре деревни Пятиусово хорошо развита категория перфекта: результитивная функция является преобладающей у *-ши*-форм и встречается в 95% всех контекстов, что является самым высоким показателем из всех сопоставленных псковских говоров. Как результитивное действие может маркироваться в настоящем или прошедшем временах, при этом при обозначении действия в прошлом глагол-связка может отсутствовать, что характерно для грамматикализованных результитивных форм (см. [Перельмутер, 1977, с. 70; Скачедубова, 2018; Ермолова, 2022]). Материал деревни Пятиусово, как и данные деревни Макеево и деревень близ Опочки, свидетельствует о том, что северо-западный перфект совместим с указаниями на время совершения действия, с которыми не употребляются результитивные формы во многих языках мира [Dahl, 1985, р. 19–20; Князев, 2007, р. 510], но русские литературные формы используются (ср. примеры из [Князев, 2007, с. 510–514]: *Игорь убит на войне в 1941 году* (В. Шефнер, «Имя для птицы») и др.).

Если говорить о лексико-грамматических особенностях *-ши*-форм, то кажется важным отметить, что несмотря на основное правило распределения перфектных форм на действительные (*-ши*-формы) и страдательные (*-н/-т*-формы) в зависимости от переходности/непереходности глагола, оно может нарушаться и строгого запрета на образование *-ши*-форм от транзитивных глаголов нет, что, как представляется, связано с возможной нейтрализацией залогового значения, которую знают все славянские языки: на первый план выходит результитивное значение суффикса *-н/-т-* или *-ши-*, а строгая закреплённость за глаголом в зависимости от переходности/непереходности уходит (см. подробнее [Ермолова, 2020]).

Остальные известные для *-ши*-форм функции в говоре деревни Пятиусово представлены довольно слабо. Показатель частотности контекстов с *-ши*-формами, употребленными в качестве глагольного обстоятельства, самый низкий из всех сопоставленных говоров. Низкая частотность атрибутивных употреблений соответствует тому, что мы видим в говоре деревни Макеево и опочечком говоре. Функция обозначения продолжительного действия, зафиксированная у *-ши*-форм в говоре деревни Макеево, в говоре деревни Пятиусово отсутствует.

Таким образом, говор деревни Пятиусово по употреблению *-ши*-форм не повторяет ни одну из рассмотренных в настоящей статье и в [Ермолова, 2024] систем. При этом, если все-таки говорить о степени близости

говора деревни Пятиусово к говору деревни Макеево или опочечкому говору, то больше схожего обнаруживается, вопреки ожиданиям, с опочечким говором: это совпадение представленных функций *-ши*-форм, а также крайне высокий уровень частотности результативных употреблений (хотя в говоре деревни Пятиусово он выше, чем в опочечком говоре).

Библиографический список / References

Ермолова, 2020 – Ермолова М.В. Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава и др. М., 2020. С. 529–533. [Ermolova M.V. On one reading in the Novgorod first Chronicle. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu V.A. Plungyana*. A.A. Kibrik, Ks.P. Semenova, D.V. Sichinava et al. (eds.). Moscow, 2020. Pp. 529–533. (In Rus.)]

Ермолова, 2022 – Ермолова М.В. К вопросу о причастном функционировании *-л*-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала // *Slověne*. 2022. Vol. 11. № 1. С. 245–280. [Ermolova M.V. On the participial functioning of the *l*-form in the history of the Russian language in the light of Russian dialectal data and the material of the other Slavic languages. *Slověne*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 245–280. (In Rus.)]

Ермолова, 2024 – Ермолова М.В. Отпричастные *-ши*-формы в двух псковских и одном смоленском говорах: сопоставление подсистем // *Slověne*. 2024. T. 13. № 2. С. 166–192. [Ermolova M.V. Participial *shi*-forms in two Pskov and one Smolensk dialects: A comparison of subsystems. *Slověne*. 2024. Vol. 13. No. 2. Pp. 166–192. (In Rus.)]

Дьяченко и др., 2020 – Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Тер-Аванесова А.В. Причастия прошедшего времени и формы прошедшего времени в говорах под Опочкой // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 1 (23). С. 53–88. [Dyachenko S.V., Zhidkova E.G., Ter-Avanesova A.V. Past participles and perfect constructions in Opochka dialects. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2020. No. 1 (23). Pp. 53–88. (In Rus.)]

Захарова, Орлова, 2004 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Диалектное членение русского языка. М., 2004. [Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 2004.]

Кузьмина, Немченко, 1971 – Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971. [Kuzmina I.B., Nemchenko E.V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow, 1971.]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. The Russian language in a typological perspective.]. Moscow, 2007.]

Маслов, 1983 – Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983. С. 41–54. [Maslov Yu.S. Resultative, perfect tense and aspect. *Tipologiya rezultativnykh konstrukttsii (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)*. V.P. Nedyalkov (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 41–54. (In Rus.)]

Недялков, Яхонтов, 1983 – Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) // Типология результативных конструкций / под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983. С. 5–41. [Nedyalkov V.P., Yakhontov S.E. Typology of the resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect tense). *Tipologiya rezultativnykh konstrukttsii*. V.P. Nedyalkov (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 5–41. (In Rus.)]

Перельмутер, 1977 – Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977. [Perelmutter I.A. Obshcheindoevropskii i grecheskii glagol. Vido-vremennye i zalogovye kategorii [The Proto-Indo-European and Greek verb. Aspectual-temporal and voice categories]. Leningrad, 1977.]

Трубинский, 1984 – Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984. [Trubinskii V.I. Ocherki russkogo dialektного sintaksisa [Essays on Russian dialectal syntax]. Leningrad, 1984.]

Скачедубова, 2018 – Скачедубова М.В. Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76. [Skachedubova M.V. On the interpretation of *l*-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and The First Novgorodian Chronicle. *Voprosy yazykoznanii*. 2018. No. 5. Pp. 64–76. (In Rus.)]

Плунгян, 2016 – Плунгян В.А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / отв. ред. Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. СПб., 2016. С. 7–36. [Plungyan V.A. Towards the typology of perfect in the world's languages. Preface. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. XII. Part 2. Studies in the Theory of Grammar. Issue 7: Typology of the perfect. T.A. Maisak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semenova (eds.). St. Petersburg, 2016. Pp. 7–36. (In Rus.)]

Dahl, 1985 – Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

Danylenko, 2005 – Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*. 2005. Vol. 56. No. 3. Pp. 347–379.

Seržant, 2012 – Seržant I.A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account. *Lingua*. 2012. No. 122 (4). Pp. 356–385.

Jung, 2014 – Jung H. Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian. *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. I.A. Seržant, B. Wiemer (eds.). Bergen, 2014. Pp. 195–215.

Wiemer, Giger, 2005 – Wiemer B., Giger M. Resultative in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungs theoretische Gesichtspunkte). München, Newcastle, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ермолова Мария Вадимовна – кандидат филологических наук; научный сотрудник международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Maria V. Ermolova – PhD in Linguistics; senior research fellow at the Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0671-1359>

E-mail: maria-anna2121@yandex.ru